

СОДЕРЖАНИЕ

<i>Глава 1</i>	
Окровавленное платье.....	5
<i>Глава 2</i>	
Великий кошмар.....	81
<i>Глава 3</i>	
Гибель птиц.....	136
<i>Глава 4</i>	
Председатель «Лиги славных имен».....	164
<i>Глава 5</i>	
Кровь из семи отверстий.....	189
<i>Глава 6</i>	
Коллективный гипноз.....	213
<i>Глава 7</i>	
Таинственное сообщение	262
<i>Глава 8</i>	
Отвлекающий маневр	289

<i>Глава 9</i>	
Место преступления.....	321
<i>Глава 10</i>	
1977	370
<i>Глава 11</i>	
Бледное солнце.....	385
<i>Глава 12</i>	
Затишающее эхо	397
Послесловие к переизданию	404
Послесловие	
к новому изданию	410

Глава 1

ОКРОВАВЛЕННОЕ ПЛАТЬЕ

Свидетеля на месте преступления в первую очередь следует не допрашивать, а защищать.

Лю Сымяо, «Процедура проведения расследования на месте преступления»

1

Темную ночь распорол пронзительный визг тормозов — хлесткий, как внезапный удар кнута в воздухе.

Безбрежная степь.

Железный, точно литой, небосвод.

Леденящий ночной ветер с воем хлестал по земле, все вокруг вздымалось и клокотало, словно море в шторме, а воздух был пропитан странным горько-соленым запахом... И вдруг звук тормоза обрушил на степь мертвую тишину. Ветер стих, тьма сгустилась, каждая травинка дрожала.

«Цзиньбэй»¹ замер посреди пустынной дороги.

¹ «Цзиньбэй» (Jinbei) — китайский автопроизводитель. Под брендом «Цзиньбэй» собран целый модельный ряд микроавтобусов. (Здесь и далее, если не указано особо, примечания переводчика.)

Хуянь Юнь

— Что это? Что такое? — Чэнь Шаолин, сидевшая сзади, от резкого торможения врезалась лбом в спинку водительского кресла и скривилась от боли.

Чжан Дашань, сидевший за рулем, не отрывал глаз от дороги и молчал, плечи его подрагивали, а сине-черный силуэт источал холод.

— Эй, в чем дело? — Чэнь Шаолин высунулась из-за его плеча и недоуменно посмотрела вперед...

Всего взгляд.

Тело мигом сковал ужас.

Это страшное зрелище будет стоять перед глазами до конца дней...

Степь утонула во мраке, надрывался ледяной ветер, дорога тянулась вдаль бесконечной траурной лентой...

В этой вязкой тьме сквозь лобовое стекло на них в упор смотрело застывшее нечто — казалось, с живого человека содрали кожу и прилепили ее к стеклу.

Полупрозрачное, словно покрытое слоем трупного воска, лицо ничего не выражало. Зрачки затянуты белесой пеленой — тусклые, неживые.

Губы, как у дохлой рыбы, едва раскрывались и смыкались. До стекла было так близко, но изо рта не выходило ни облачка дыхания.

Чэнь Шаолин собрала все силы, чтобы не сорваться на крик.

Впереди, выпрямившись во весь рост и глядя прямо на них, застыла женщина в длинном белом платье, ее длинные волосы бешено метались на ветру, точно хотели вырваться из кожи головы...

Фары пробивали ночь двумя дрожащими желтыми лучами, которые окутывали женский силуэт; даже сквозь стекло доносился легкий запах крови: подол белого платья был густо пропитан буро-черными пятнами...

Без шансов уцелеть

Женщина, казалось, только что выбралась прямиком из кровавого ада.

— Т-т-ты ее с-сбил? — Чэнь Шаолин трясло.

Чжан Дашань сумел лишь выдавить:

— П-почти...

Почти, то есть не задел...

Однако эта женщина выглядела так, будто уже погибла под колесами, а теперь бесплотная душа, жаждущая мести, вернулась за теми, кто задолжал ей жизнь.

Молчание продолжалось несколько минут — никто не смог бы сказать, сколько именно. Двое в салоне и женщина в белом, разделенные лишь стеклом... Все чего-то ждали: в машине — того, что духа в окровавленном платье развеет ветром, а снаружи — что люди выйдут сами, подставив горло...

Решалось, кто сдастся первым.

Чэнь Шаолин казалось, что ее душит тьма. Двери и окна машины были наглухо закрыты, в салоне находились только она и Чжан Дашань. Глядя на лицо по ту сторону стекла, Шаолин не могла стряхнуть ощущение, что женщина в любую секунду протянет к ней бесконечно длинные руки — они будут тянуться все ближе и ближе, просочатся сквозь щели кузова и обхватят ее горло, сжимая сильнее и сильнее!

Сидящие в «Цзиньбэе» не выдержали: живые в терпении всегда уступают мертвым.

Чжан Дашань шумно выдохнул, дыхание было тяжелым, он явно сдерживал его очень долго.

Рука его легла на рычаг коробки передач, и Чэнь Шаолин поняла, что водитель собирается сдать назад, вывернуть и объехать женщину.

— Не смей! — закричала Чэнь Шаолин. — Мы должны спасти ее! Иначе она правда замерзнет насмерть!

— Да какого... Я даже не знаю, человек она или демон во плоти!

Глаза Чжан Дашаня вспыхнули, но, поймав пристальный взгляд Чэнь Шаолин, он не стал спорить — исходившая от нее

Хуянь Юнь

неведомая сила сделала его послушным и уязвимым. Он включил нейтральную передачу, поднял ручник, пробормотал что-то, нагнулся к ящику с инструментами, выгасил здоровенный гаечный ключ, распахнул дверь и спрыгнул на землю — волосы его тут же разметал ветер, поднял дыбом, будто гриву разъяренного льва.

Сквозь стекло Чэнь Шаолин наблюдала, как он обошел машину и, вцепившись в ключ так, что белели костяшки, выкрикнул что-то женщине.

Та продолжала смотреть пустыми глазами и молчать.

Внезапно лучи фар резко дернулись, подол платья взвился, что-то ударило Чжан Дашаня в грудь, он отшатнулся и, споткнувшись, едва не рухнул. Он прищурился, втянул шею в воротник зеленой армейской куртки, покосился на небо, а потом шагнул к женщине, резко согнулся, обхватил ее мощными руками и, взвалив на плечо, понес к микроавтобусу.

Чэнь Шаолин распахнула тяжелую дверь.

Чжан Дашань усадил женщину рядом с ней, и салон тут же обдало холодом.

— Уже почти окоченела... но жива, — сказал он.

Чэнь Шаолин торопливо сняла красную стеганую куртку и набросила на женщину. Только теперь она поняла, что белое платье — всего лишь длинная прозрачная ночная сорочка, на которой чернели пятна засохшей крови.

— Дашань! — воскликнула девушка. — Она точно не местная!

— Наверное, туристка... — сказал тот. — Тогда откуда кровь? И что она вообще делает на пустынной дороге ночью, да еще в такую непогоду?

Чэнь Шаолин подумала и сказала:

— Судя по виду, она вряд ли пришла издалека... Точно! Нужно срочно ехать в гостиницу «Хупаньюу», там что-то случилось!

Без шансов уцелеть

— Ладно, — буркнул Чжан Дашань, вернулся за руль, завел двигатель, резко вывернул, и они покатили прочь с шоссе в глубь степи.

Женщина периодически заваливалась набок на ухабах, Чэнь Шаолин крепко прижимала ее к себе.

Через какое-то время ей показалось, что женщина немного согрелась, но ее самую холод окутывал все сильнее.

Глядя на широкую спину Чжан Дашаня, сидевшего за рулем, Чэнь Шаолин почувствовала странную, холодную чуждость.

Чжан Дашань был рослым мужчиной под два метра, с могучими плечами и квадратным лицом. Когда радовался, глуповато хихикал, щуря и без того узкие глаза, когда говорил, изредка теребил нос, а когда злился — рвал горло криком, размахивал кулачищами-молотами, даже казалось, что он мог вбить любое горе прямо в землю.

Манеры его никогда не отличались изяществом, Чэнь Шаолин не выносила грубоватость Дашаня еще со школы. Как-то после уроков, в белой березовой роще за школой, одноклассники разделились на две команды и играли в догонялки. По неведомой причине Дашань рванулся за Чэнь Шаолин — и всю игру бежал только за ней, — гнал до тех пор, пока она не перескочила два ручья. Когда, наконец, он смог дотянуться, то ухватил не ее саму, а лишь кончик густой иссиня-черной косы, да так дернул, что вырвал несколько волос — от боли девушка присела на землю, захлебываясь плачем.

Чжан Дашань стоял молча, угрюмый, его громадная фигура горой нависала над ее маленькой, хрупкой тенью.

Хуянь Юнь

Позже она поступила в лучшую в округе среднюю школу старшей ступени¹, там же при школе и жила. А Чжан Дашань даже экзамены сдать не смог, два года слонялся без дела, пока не устроился учеником в автосервис в уездном городке; имея в кармане небольшую зарплату, по выходным он натягивал коричневую вельветовую куртку и, пыхтя как медведь, приходил к воротам учебного заведения, чтобы позвать Чэнь Шаолин в кафе.

Она не хотела идти, ведь одноклассники уже посмеивались за ее спиной, но и отказать не могла. Голос у Чжан Дашаня гремучий: «Что, в хорошее учебное заведение поступила и уже свысока на меня смотришь?!» Приходилось идти. Однако стоило зайти в кафе, он замолкал, только подкладывал еду в ее тарелку и, хмурясь, невнятно твердил: «Ешь давай, ешь», — даже не спрашивая, нравится ли ей блюдо.

Поев, они бродили по центру, держась на приличном расстоянии, точно случайные прохожие.

Городок был крошечный, и они снова и снова оказывались в центральном парке.

Там стояла причудливая белая статуя коня — вздыбленно-го, голова вскинута к небу. Говорили, это тот самый волшебный скакун Сарыл² из детской сказки.

Перед изваянием, на выточенных из белого мрамора ступенях, часто сидел широкоплечий седой монгол в бледно-голубом шелковом халате с сиреневым отливом; в его облике слышалось дыхание поэзии, он был воплощением древней песни, застывшей в потоке времени. Старик-монгол держал

¹ В Китае старшая средняя школа, или средняя школа старшей ступени, охватывает 10–12 классы; не является обязательной, основная цель — подготовка к Гаокао (все китайские государственные вступительные экзамены в вузы).

² «Волшебный скакун Сарыл» — современная китайская сказочная повесть писателя Лэ То.

Без шансов уцелеть

моринхур¹, медленно водил пальцами по двум струнам из конского волоса и напевал.

Песня была на монгольском, и Чэнь Шаолин с Чжан Дашанем не знали, о чем она, но в печальных переливах мелодии было что-то невыразимо трогательное.

— Каждый раз, как слышу, — призналась однажды Шаолин, — будто бы все вокруг исчезает.

Чжан Дашань даже заплатил сотню юаней учителю, знавшему монгольский, чтобы тот перевел текст песни:

*Горькая полынь полыхает в степи.
Вокруг дым костров да тумана клубы.
Там, вдали, не ты ли мелькнула в сиянье луны?
Вечереет, мысли тобой лишь полны.
Ищу тебя,
Как ястреб ищет утес, в небесах паря.*

*Печь остыла, кизяк прогорел до золы.
В углу сиротливо устроились привязи и столбы.
Не твой ли в ночи колокольчик тихо поет,
Погоняя стадо к реке, где заря встает?
Люблю тебя,
Как скакун любит простор и поля.*

*Нет у меня табунов, нет коней,
Ни сбруи серебряной, ни ярких огней.
Думы о прошлом хмурят мне лоб,
Я безмолвен, как камень у кромки троп.
И в темноте я тихо свернусь на траве —
Жду тебя,
Как ночь ждет рассвет в синеве...*

¹ Традиционный монгольский струнный смычковый инструмент. Головка грифа моринхура изготавливается в виде головы лошади.

Хуянь Юнь

Чжан Дашань переписал слова на листок и прочел для Чэнь Шаолин вслух. И когда она вновь слушала пение старика, в глазах сияли слезы.

Последние слова отзвучали, и Чжан Дашань неожиданно выпалил:

— Шаолин, ты ведь мой рассвет.

— Не говори ерунды! — Она зло сверкнула глазами и резко ушла.

В выпускном классе учеба становилась напряженнее из-за грядущих экзаменов, Чэнь Шаолин запереживала, что регулярные визиты Чжан Дашаня помешают ей готовиться; она перебирала в голове способы избавиться от него, но все казалось неловкими. Соседка по комнате подсказала:

— Он хоть и простак, но гордый; ты прямо ему скажи: «Не нравишься ты мне, хватит сюда таскаться». Тогда точно отстанет.

— Так нехорошо... обидится, — лишь тихо ответила с верхней койки Чэнь Шаолин, уткнувшись лбом в колени.

На следующий день была суббота, но Чжан Дашань так и не появился.

И в воскресенье не пришел. Чэнь Шаолин почувствовала неладное, написала ему сообщение, но ответа не получила, затем позвонила — телефон был выключен. В следующие месяцы Чэнь Шаолин днями и ночами готовилась к экзаменам, и, лишь когда терла уставшие глаза, из памяти изредка показывался медвежий, слегка простодушный образ Чжан Дашаня.

Новости достигли ее только после экзаменов. Оказалось, в те выходные он покупал овощи на рынке и увидел, как «Хонда» сбила старушку, подбиравшую зелень с земли; машина даже не притормозила. В Дашане мигом вскипела ярость, он схватил кирпич и швырнул в «Хонду», с треском расколов заднее стекло.

К несчастью, в машине сидела домработница заместителя главы уезда.

Без шансов уцелеть

Чжан Дашаня тут же схватили, и суд приговорил его к трем годам тюрьмы.

Узнав обо всем, Чэнь Шаолин поехала в тюрьму, просидела в темной комнате для свиданий добрую половину дня, пока дверь не открылась и внутрь не вошел надзиратель: «Чжан Дашань не хочет тебя видеть, не жди».

Приехала второй раз — опять отказался.

На третий раз ничего не изменилось, и Чэнь Шаолин поняла: он никогда не захочет увидаться вновь.

Вскоре пришло письмо о зачислении: Шаолин приняли в университет в столице провинции на специальность «Обслуживание и управление в сфере ухода за пожилыми». Отучившись три года, она, в отличие от других, не стала искать связи и закрепляться в городе, а вернулась в родную, все такую же глухую и бедную деревню, где и открыла дом престарелых.

Правда, вскоре случилось несчастье, и дом престарелых пришлось закрыть. Тогда Чэнь Шаолин устроилась медсестрой в уездную больницу. Каждый день ей приходилось по нескольку часов ездить на автобусе из деревни в город и обратно.

Сегодня у одной роженицы открылось сильное кровотечение, Чэнь Шаолин тоже оказывала помощь, так что с работы вышла очень поздно, когда последний автобус давно ушел. Она стояла у обочины, нервно приподнимаясь на цыпочки, высматривая попутную машину. Из-за порывов ветра, приносящих песок, приходилось прищуриваться и часто моргать, и, когда Чэнь Шаолин в очередной раз открыла глаза, прямо перед ней остановился «Цзиньбэй». Стекло опустилось, и показалось лицо Чжан Дашаня, знакомое и в то же время чужое: черты остались прежними, но появились тонкие морщины, сотканые годами, а знакомый взгляд лишился прежнего блеска.

— Домой? — рявкнул он. — Садись!

Чэнь Шаолин поколебалась и все же села.

Хуянь Юнь

— Как поживаешь? — Он нажал на газ, и громоздкий микроавтобус выкатился на шоссе.

Чэнь Шаолин не ответила. Ей казалось, что все случившееся за эти годы не уложить в пару фраз, а если так, то лучше промолчать.

Она смотрела в окно: густая ночь укутала степь, и нельзя было различить, где небо, а где земля, только кое-где на черном фоне вырастали еще более черные тени гор, причудливо выходящих в темноте, подобно ее собственным мыслям. Стекло гудело под натиском ветра, холод с шипением просачивался в салон сквозь щели; «Цзиньбэй» все сильнее трясло — казалось, ветер решил непременно разорвать микроавтобус на части.

Ну и пусть разорвет, разве мало в своей жизни она уже пустила на самотек? С этой мыслью Шаолин закрыла уставшие глаза.

Сознание почти утратило ясность, как вдруг раздался резкий визг тормозов!

Мир сжался до одного ощущения — плотного, липкого ужаса...

В сериалах часто звучит фраза: «Это было будто во сне», — и сейчас, в этот самый миг, сидя в трясущейся машине и прижимая к себе эту бедную женщину, Чэнь Шаолин не могла предсказать, этот кошмар вот-вот закончится или только начинается...

«Цзиньбэй» обогнул несколько низеньких холмов, и вдалеке, на просторах степи, разлилось ослепительное овальное озеро Эрэн Чаган-Нур. «Чаган-Нур» на монгольском значит «Белое озеро», «Эрен» — «Мир грез», так что полное название звучало как «Белое озеро из мира грез».

Однако живущие поблизости ханьские пастухи называли его Озеро слез.

Без шансов уцелеть

Это название озеро получило за то, что по форме было похоже на слезинку, а вода в нем была горько-соленая. Вдоль берега росли спутанные заросли камыша, а кое-где торчали причудливо изломанные березы, стоявшие на холодном ветру, — точь-в-точь обнаженные белые кости. На берегу стояло одинокое двухэтажное здание — «Хупаньюу», самая обычная придорожная гостиница.

«Цзиньбэй» остановился перед ней, и в ту же секунду, когда двигатель затих, шум ветра за окнами усилился и стал вдвое громче. Чжан Дашань прищурился, вглядываясь в темные очертания здания, и беспокойные мысли подбросили ему слово «воронка». Он подумал, что этот дом сейчас и впрямь выглядит как воронка: стоит только открыть дверь микроавтобуса, сделать шаг, и огромная непостижимая сила утянет его в черную бездну, из которой уже не вырваться...

Загрохотало.

Чжан Дашань невольно вздрогнул. Обернувшись, он увидел, что Чэнь Шаолин распахнула дверцу и готовилась спрыгнуть на землю.

— Ты что творишь?! — заорал он. — Живо назад!

Чэнь Шаолин замаялась, но послушалась.

— У Болтливового Ли в гостинице свет ведь всегда горит до утра, почему сейчас ни огонька? — сказала Шаолин.

Уж это Чжан Дашань, привыкший гонять по ночным дорогам, знал не хуже нее.

Владельца «Хупаньюу», Болтливового Ли, он знал как облупленного — этот трудяга и добряк переживал, что в степи непременно кто-нибудь заблудится, поэтому всегда оставлял фонарь у дверей гостиницы гореть до утра. Когда Чжан Дашань гнал пустой микроавтобус и на душе было паршиво или побеждала смертельная усталость, он неизменно заезжал пропустить рюмку с Болтливым Ли, их разговоры обычно затягивались до рассвета.

Однако и ссориться им тоже случалось.

Хуянь Юнь

В тот памятный раз Болтливый Ли, изрядно хмельной, приобнял Чжан Дашаня за плечи и, икнув, выдал:

— Шаолин... э-э... девчонка после университета... э-э... могла же чем-то толковым заняться, а она... дом престарелых! Вот те на! Да пусть бы ко мне пришла... с такой мордашкой... Глядишь, клиентов бы зазывала...

Договорить гадости Болтливый Ли не успел — Чжан Дашань врезал ему с такой силой, что тот свалился под стол, а перепуганный работник гостиницы кинулся звонить в полицию. Когда начальник местного полицейского участка, Ху Вэйдун по прозвищу Морковка, явился с подчиненными, Болтливый Ли, не обращая внимания на ярко-алый отпечаток ладони на щеке, упрямо твердил, что сам врезался в стену. Ху Вэйдун не знал, сердиться ему или смеяться, лишь сказал Чжан Дашаню пару слов и ушел.

Убедившись, что Ху Вэйдун ушел, Болтливый Ли тут же накинулся на перепуганного работника.

— Мы ж с братишкой просто дурака валяли, какого хрена ты полицию вызвал?!

Вспомнив об этом теперь, Чжан Дашань занервничал: Болтливый Ли всегда считал его братом, а сейчас гостиница погружена во тьму — явно что-то не так; если случилась беда, разве можно просто сидеть и ждать?

Чжан Дашань вытащил телефон и набрал номер полицейского участка, но связь была паршивая, полминуты ушло, чтобы соединиться. На том конце ответили, что сотрудники скоро придут.

Скоро? Ну-ну. Главное, чтобы в такую погоду не загнали раздолбанный служебный джип в кювет.

Значит, остается ждать...

Фары «Цзиньбэя» били прямо в двери гостиницы. Здание тонуло во мраке, лишь стеклянные створки отражали тускло-желтый свет, и расходящиеся лучи напоминали иероглиф

Без шансов уцелеть

«долголетие»¹, вышитый на погребальном саване. Казалось, что-то неведомое без облика, формы и имени вот-вот должно было выползти из-под этого савана и уплыть прочь в темноту... И здание, будто подхваченное смертью, стыло и коченело, все больше наливаясь мертвенным холодом.

Сердце Чжан Дашаня рвалось вниз, точно брошенный в колодец булыжник, только дна все не было. Это ощущение сводило с ума.

Воронка... Да чтоб ее!

Чжан Дашань схватил здоровенный гаечный ключ, толкнул дверь, и в салон рванул холодный ветер, Чэнь Шаолин закашлялась, не в силах перевести дыхание. Он обернулся, взглянул на нее, а затем спрыгнул на землю.

— Дашань! Вернись! Слышишь, вернись! — кричала девушка.

Дашань, громко хлопнув дверцей, запер ее крик в тесном салоне. Чэнь Шаолин оставалось только наблюдать, как он исчезает в распахнутых полах того самого савана.

А рядом неподвижно сидела женщина. Пустая, лишенная жизни оболочка.

Потирая руки, Ху Вэйдун вошел в дежурную как раз в тот момент, когда Сяо Ван положил трубку.

— Начальник, Чжан Дашань звонил. Говорит, в «Хупань-лоу» что-то неладное творится. Поедем глянем?

Тот опешил.

¹ В китайской похоронной традиции существует множество табу и эвфемизмов: нежелательно произносить слова «смерть» или «покойник», поэтому погребальный наряд называют «одеждой долголетия». На такой одежде часто вышивают иероглиф 寿 (шоу, «долголетие») и другие символы благопожелания — считается, что они охраняют душу и даруют мирный переход.